

Когда Чи Юцин приблизился, Дуань Цзинсянь поневоле затаил дыхание.

Что он... замышляет?

Уловив чужую напряжённость и смутное предвкушение, Юцин не стал дольше томить мужчину. Он подался вперёд, целясь прямо в губы, но...

В самое последнее мгновение чуть повернул голову и мягко прижался щекой к его щеке.

Юцин ласково потёрся один раз, затем второй. Освежающе-прохладное, шелковистое прикосновение отозвалось в душе чистым восторгом. Ему до безумия хотелось ещё и потискать дядю за щёки, но на сегодня хватит и нежных объятий — остальное можно отложить на следующий раз.

С вероятностью в девяносто процентов тот наверняка скажет, что мальчишка совсем оборзел.

Скажет — и всё равно попустительствует.

Это привилегия, принадлежащая исключительно ему. Вот подайся так близко кто-то другой — разве Дуань Цзинсянь не отстранился бы мгновенно? Очевидно, что оттолкнул бы.

Завершив этот маленький ритуал, Юцин не стал отстраняться, а просто склонил голову на плечо Цзинсяня. На столь близком расстоянии он физически ощущал, насколько одеревенело тело мужчины. Ничего не говоря, юноша лишь медленно, поглаживающими движениями разминал его пальцы, сжатые в кулак, даруя беззвучное успокоение.

Дуань Цзинсянь действительно не ожидал подобного финта.

Когда Чи Юцин нацелился прямо на него, мужчина добрые три секунды был свято уверен, что его сейчас поцелуют — совсем как в день их первой встречи после долгой разлуки. Он даже успел всерьёз задуматься, как бы потактичнее уклониться. Слава небесам, в последний миг юноша отвернулся в сторону.

Выходит, просто приласкался? Надо же, издевается над ним.

Впрочем, если оставить в стороне поцелуи, подобные проявления нежности были ему невероятно по душе.

И всё же он растерялся.

Мужчина уже слишком, слишком давно ни с кем не сближался настолько. С окружающими он

всегда сохранял безупречную социальную дистанцию, и единственный, кто перешагнул эту черту... был Чи Юцин.

Близость с любимым человеком ощущалась оглушительно прекрасно. В груди сперва прокатился оглушительный шторм, на смену которому тут же пришёл тихий, тёплый проливной дождь, а вслед за ним — невесомое, словно взбитое облако, ощущение абсолютного счастья.

Цзинсянь опустил взгляд на их переплетённые пальцы. Чи Юцин всё так же мерно и нежно поглаживал его ладонь. Пока мужчина молча смотрел на это, бушующие внутри чувства постепенно улеглись.

Он поднял свободную руку и легким касанием взъерошил волосы юноши:

— Ты только что...

Чи Юцин сощурил глаза, ещё пару раз с любовью потёрся о его плечо и лишь затем немного выпрямился, лучезарно улыбаясь:

— С обычными друзьями я так не ласкаюсь. И уж точно не стал бы без причины... щекотать их ладони.

С этими словами он выпустил руку Дуань Цзинсяня и снова шутливо провел подушечками пальцев по центру его ладони.

Какое там прикосновение щекой — даже банальные рукопожатия или подобные озорные жесты он не позволил бы себе ни с кем другим, кроме стоящего перед ним человека.

Дуань Цзинсянь отвёл руку и медленно сжал пальцы в кулак, словно пытаясь удержать в горсти это невесомое, ласковое тепло.

Вглядевшись в сияющие глаза юноши, он негромко откликнулся:

— Я тоже.

От начала и до конца единственный человек, подпущенный к нему настолько близко, — это Чи Юцин. Так было в прошлом, так есть сейчас и так будет в будущем.

Однако, запнувшись на мгновение, Цзинсянь вдруг спросил:

— А если ситуация потребует соблюдения светского этикета с поцелуем в щёку?

М-м?

Чи Юцин, ещё секунду назад ликовавший от слов Цзинсяня «я тоже», при упоминании светских поцелуев мгновенно развеселился ещё пуще.

Младший дядя что, ревнует на пустом месте?

Осознанно или нет, но это красноречиво доказывало: мужчине не всё равно.

Юноша тихо хмыкнул, а затем абсолютно серьёзно чеканным тоном произнес:

— Во-первых, у меня нет ни малейшей необходимости посещать подобные сборища. А во-вторых, даже если придётся участвовать в таком мероприятии и там найдётся любитель выдавать подобные нежности за обычную вежливость... Младший дядя, чьих именно правил придерживаться при приветствии, решает тот, у кого в руках инициатива.

На его территории правила устанавливает он сам.

Дуань Цзинсянь уловил, как блеснули искры в глазах Чи Юцина. Впрочем, юноша имел полное право на такую уверенность. Возможно, сторонние наблюдатели и не верили в перспективность студии «Ясный день», но Цзинсянь-то знал истинное положение дел.

К тому же за его спиной стоял он сам.

Теперь, когда все точки над «і» были расставлены, а чувства выражены предельно ясно, Чи Юцин окончательно успокоился. Нынешней ночью можно спать со спокойной душой.

Он ещё немного побыл рядом, выпросив у Цзинсяня сказку на ночь, после чего пожелал приятных снов и покинул хозяйскую спальню. Вот только выспаться толком всё равно не удалось — правда, совсем по иной причине.

Ощущение шелковистой кожи, к которой он прикасался, преследовало его и в грёзах.

Сон выродился в сущую феерию: там он вволю нацеловался с недостижимым красавцем, но оттого пробуждение показалось лишь более опустошающим! Реальная жизнь всё-таки куда ощутимее. Значит, нужно приложить максимум усилий, чтобы завоевать его наяву.

Рано или поздно мечта станет реальностью.

В последующие дни в студии «Ясный день» работа кипела вовсю, но и слава о них росла как на дрожжах. По мере того как дела набирали оборот, Юцин при первой же возможности мчался в

корпорацию «Дуань». Иногда он прихватывал с собой ноутбук и работал прямо там, фактически превратив кабинет генерального директора Дуаня в свой второй офис — и ничто одно другому не мешало.

Разумеется, юноша не забывал налаживать контакты и с сотрудниками корпорации Дуань.

Цель у него была одна: посеять как можно больше добрых слов об их главном боссе.

Его дядя настолько прекрасен! Ладно ещё, когда его называют холодным и неприступным — у всех свой характер, тут уж ничего не поделаешь, — но Юцин категорически не желал слышать в его адрес эпитетов вроде «жестокый» или «беспощадный». Это же чистой воды клевета, наветы и чернуха!

Терпеть подобное он не намеревался.

Помимо обычного персонала, его чрезвычайно интриговал вице-президент корпорации Дуань, который всё ещё находился в заграничной командировке. Это был не просто топ-менеджер, а однокурсник Дуань Цзинсяня и один из двух его близких друзей. Последние полгода он курировал зарубежные рынки и со дня на день должен был вернуться.

И, как говорится, вспомни лучик — вот и солнце.

Юцин как раз раздумывал, не попросить ли у Ся Лань контакты вице-президента, чтобы списаться заранее, как тот сам явился к нему с визитом, да ещё и не с пустыми руками.

Оглядев стоящего перед ним Ци Хэмина — ровесника Дуань Цзинсяня, — Чи Юцин вежливо поблагодарил за подарок.

Впрочем, ходить вокруг да около он не стал и сразу перешёл к делу:

— Мы вроде бы не настолько близки, да и раньше я вас, прямо скажем, скорее раздражал. Вы пришли сегодня только потому, что в последнее время мы с дядей сильно сблизились, вернее? Давайте без экивоков.

Ему действительно было любопытно узнать истинные мотивы гостя.

Ци Хэмин окинул Чи Юцина внимательным взглядом с головы до ног, и в голове у него моментально всё улеглось.

За последние месяцы Дуань Цзинсянь прожужжал ему все уши об этом мальчишке. Пусть его высказывания и звучали сдержанно, но за годы дружбы Хэмин научился читать между строк: в каждом слове сквозили трепетная симпатия и глубокая привязанность. А уж если обычно

молчаливый Цзинсянь превращался в разговорчивого тетерева, значит, стоящий перед ним юноша обладал поистине редким талантом. И теперь, увидев его вживую, Ци Хэмин отметил: от прежнего разгильдяя не осталось и следа. Натура у него явно нерядовая.

Носит фамилию Чи, да только явно не из тех, кто привык плавать на мелководье.

Немудрено, что Дуань Цзинсянь столько лет хранил его в своём сердце.

Поскольку Чи Юцин спросил прямо, Ци Хэмин ответил столь же открыто:

— Я вернулся только вчера вечером, а в офис приехал лишь сегодня утром. Но на входе вспомнил о человеке, о котором так печётся Цзинсянь, вот и решил заскочить. Заодно захватил подарок... Он упомянул, что тебе подобное по душе.

Юцин мазнул взглядом по принесённому сувениру на столе — это был набор фигурных головоломок-кубиков.

Он и впрямь их любил.

Собственно, пара таких стояла у него на рабочем столе, а ещё несколько украшали полку. То, что Дуань Цзинсянь догадался об его увлечении, удивления не вызывало, а вот доброжелательность Ци Хэмина оказалась приятной неожиданностью.

Откинувшись на спинку дивана и закинув ногу на ногу, Юцин на мгновение задумался, качая ногой туфли:

— Все вокруг только и делают, что предостерегают дядю на мой счёт. Твердят, будто я ни капли не изменился, а он проявляет участие лишь потому, что метит на имущество семьи Чи. А вы... вы сильно отличаетесь от прочих.

Ещё бы не отличаться. Вслух Ци Хэмин этого, разумеется, не произнёс — откуда посторонним знать обо всех подводных камнях?

Он лишь невозмутимо улыбнулся:

— Я просто привык доверять вкусу Цзинсяня.

— Что ж, на этот раз вы не ошиблись, — не стал скромничать Юцин.

Взгляд Ци Хэмина слегка потемнел. Помолчав секунду, он произнёс:

— И всё же я должен предостеречь. Если ты не продумал всё до конца и решишься... спровоцировать его, последствия могут оказаться весьма неожиданными.

М-м?

Чи Юцин изогнул бровь. «Спровоцировать»? Надо же, какие выражения выбирает. Раскусил-таки его замысел? А чутьё у вице-президента что надо.

Впрочем, особым откровением это не стало — Юцин и сам ничего не скрывал. А вот вторая половина фразы вызвала у него искреннее недоумение:

— И что же это за «неожиданные последствия» такие?

Ци Хэмин не стал вдаваться в подробности. За пятнадцать минут общения и короткого диалога первичное представление о юноше у него уже сложилось, а остальное вполне подождёт.

Он поднялся с места:

— Понимай буквально.

«Ну и лис!» — про себя ухмыльнулся Юцин. Ся Лань была права: этот вице-президент — настоящий изворотливый и дипломатичный делец. Определение попало в самое яблочко.

Одной-единственной фразой сумел разжечь в нём любопытство!

Юноша тоже поднялся, и в его глазах вспыхнул азартный огонёк:

— Я действительно не понимаю, на что вы намекаете, господин Ци, но одно могу сказать абсолютно чётко. Слово «спровоцировать» звучит слишком мягко. Я собираюсь добиться его расположения на полном серьёзе. Это взвешенное решение, а не минутная блажь или глупая интрижка.

Он сделал паузу и твёрдо продолжил:

— Мне плевать, поверит ли кто-то ещё и что скажут со стороны. Плевать, насколько тернистым окажется этот путь. Я пройду его с радостью. Потому что он того стоит.

Ци Хэмин не спускал глаз с Чи Юцина добрых полминуты, после чего не удержался от тихого смешка. Надо же! А его друг не прогадал — парень оказался чертовски любопытным.

Собравшись с мыслями, Хэмин почувствовал, как на душе стало куда спокойнее:

— Разумеется, стоит. А вот удастся ли тебе завоевать его сердце — зависит только от тебя.

— Без сомнений.

На этом разговор пока завершился. Ци Хэмин попрощался и вышел.

За последние месяцы ему не довелось лично лицезреть «Чи Юцина», о котором так часто рассказывал Цзинсянь, но из историй друга он давно уловил странную неправильность. Разве может подобная привязанность быть простым уважением племянника к дяде?

И сегодняшняя встреча лишь подтвердила его догадки.

Однако сложившаяся ситуация не казалась катастрофой. Если Чи Юцин действительно надёжен, то это настоящая благодать: любимый человек всегда ближе любого родственника.

Вот только...

Каким бы ни был формат их отношений, судя по словам Цзинсяня, развязка не за горами. Провести вместе скромные три месяца после долгих лет ожидания — это слишком жестоко. Поразмыслив, Хэмин так и не смог обрести покой. Обсуждать подобное с Фу Цзибином казалось нецелесообразным, поэтому он пахал без продыху, лишь бы закончить дела до истечения отведённого срока.

И какими бы ни были истинные намерения Чи Юцина, Хэмин от всего сердца надеялся, что «эта его личность» задержится как можно дольше.

Чем дольше, тем лучше.

Дуань Цзинсянь всю жизнь шёл сквозь непроглядную тьму и тернии, и этот мальчик стал для него едва ли не единственным источником тепла и нежности... Нельзя допускать, чтобы его отняли так жестоко.

Пусть у него останется хотя бы как можно больше светлых воспоминаний.

Чтобы было чем согреваться на бесконечно длинном пути.

Около четырёх часов дня Чи Юцин справился с делами необычайно рано. В голове всё ещё крутились слова Ци Хэмина, и он решил отправиться к Дуань Цзинсяню. Если удастся снова пересечься с этим хитроумным лисом — можно попытаться вытянуть ещё пару деталей. А если нет — не беда, общение с ближним кругом дяди в любом случае пойдёт на пользу.

Выйдя из бизнес-центра, юноша ускорил шаг, поеживаясь от пронизывающего ветра. С момента его перемещения прошло почти три месяца. Зима уже вступила в свои права, и до конца года оставалось совсем немного.

День рождения Дуань Цзинсяня выпадал аккурат перед Новым годом, так что готовиться следовало заранее.

Дворецкий Хэ рассказывал, что хозяин уже много лет не праздновал этот день. Но в этом году рядом есть он — а значит, они обязательно отметят праздник вместе. Чи Юцин прекрасно понимал, каково это — встречать день рождения в полном одиночестве.

Ощущал с самого детства.

И именно потому, что он пропустил эту боль через себя, ему так хотелось устроить для Цзинсяня настоящий праздник. Всё, чего тот был лишён в прошлом, они восполнят в будущем.

Вдвойне.

Взлетев по лестнице в отличном расположении духа, он едва переступил порог после лифта, как тут же ощутил витающее в воздухе напряжение. Несмотря на то что центральное кондиционирование работало вовсю, атмосфера казалась морозной и тяжелой.

Привычным жестом постучав в дверь кабинета генерального директора, Юцин заглянул внутрь. Помимо Дуань Цзинсяня, Ци Хэмина и Ся Лань, там находились трое топ-менеджеров корпорации Дуань. Вид у всех трёх был, мягко говоря, плачевный: перепуганные, сжавшиеся, они напоминали школьников, получивших нахлобучку от строгого учителя. Настоящая троица напуганных перепёлок.

Похоже... случился какой-то прокол?

Настроение Дуань Цзинсяня упало до самой нижней точки. И дело было даже не в самой проблеме, а в человеке, который её спровоцировал.

Заметив Чи Юцина, он слегка приглушил витавшее в кабинете раздражение и мягким жестом попросил юношу подождать.

Ци Хэмин и Ся Лань переглянулись, и в душе у обоих одновременно отлегло. Приход Юцина мог хотя бы немного смягчить гнев босса. Сегодняшняя неприятность не была катастрофической, но оказалась невероятно паршивой.

Юноша слегка озадачился, но, повинувшись знаку Цзинсяня, умерил любопытство и присел на диван неподалёку.

Переведя взгляд с Юцина обратно на стоящих перед ним руководителей, Цзинсянь снова не смог сдержать подступающую ярость.

Лицо его оставалось ледяным, а голос прозвучал с отчуждённой строгостью:

— Почему вы скрыли проблему, когда она только возникла? Лишь потому, что за этим стоял второй молодой господин семьи Дуань? Скрывая накладку, вы свято верили его сладким обещаниям всё уладить? Или посчитали, что у вас хватит полномочий покрывать его выходки?

Он сделал паузу, от которой у присутствующих перехватило дыхание:

— Не знал, что авторитет второго молодого господина в семье Дуань вырос до таких высот. Если вы настолько недовольны моим управлением, может, стоит завтра же собрать совет директоров? Пора передать кресла председателя и генерального директора второму молодому господину.

От этих ледяных, исполненных ядовитой иронии слов у троих руководителей по спинам пополз холодный пот.

Вот уж действительно — сами виноваты! Перехитрили самих себя и в итоге увязли по уши.

Ся Лань сохраняла бесстрастное выражение лица, хотя в душе кипели досада и злость. Ситуация была не то чтобы смертельной, но крайне неприятной, и ниточки от неё тянулись напрямую к Дуань Миньюю.

Пусть второй молодой господин руководил лишь дочерней компанией, его статус давал о себе знать, и в головном офисе с ним так или иначе считались. Дуань Цзинсянь действительно держал младшего брата в ежовых рукавицах, но любой зоркий человек понимал: за этой строгостью кроется искренняя забота.

Не будь человеку дело — он просто махнул бы рукой.

И вот на днях Дуань Миньюй тайно вывел крупную сумму из проектных средств филиала. Понять, как вернуть деньги, он не сумел и бросился к этим троим топ-менеджерам, умоляя прикрыть его: мол, не хочу расстраивать брата, всё верну в течение недели, честное слово, никому проблем не доставлю.

И эти дураки поверили! Действительно помогли утаить растрату.

И каков результат? Неделя истекла, а от денег — ни следа.

И брешь в бюджете всплыла прямо перед генеральным директором.

А когда Цзинсянь полчаса назад связался с Дуань Минъюем по телефону, тот повел себя как последний наглец: включил полную несознанку, заявив, что инвестиции прогорели, денег нет, и вообще пусть брат сам за него всё закроет.

Осознав, как юный паршивец изменил тон, руководители мгновенно поняли: их попросту использовали в качестве пушечного мяса!

Из них наглым образом выбили эмоциональную скидку.

Переглянувшись, трое осознали всё плачевное положение дел и принялись наперебой извиняться за свою глупость. В душе они проклинали паршивца на чём свет стоит: да какой у него, к чёрту, авторитет?! Обычный шакал, прикрывающийся львиной шкурой!

Не считай они, что Дуань Цзинсянь действительно дорожит братом, разве пошли бы они на подобную авантюру?!

Сами себе подложили свинью!

Ни извинения, ни покаяния, ни заверения топ-менеджеров не смягчили выражения лица Цзинсяня. После того телефонного разговора он окончательно принял решение.

Эта мысль зрела в нем давно, но он никак не мог решиться, цепляясь за привязанность.

Он прекрасно знал, насколько Минъюй его не переносит и мечтает вырваться на свободу. Раз тот так отчаянно стремится к независимости, что готов пойти даже на подобную подлость — к чему его удерживать?

Он даст ему эту свободу. Полную и окончательную.

Смотря на троих виновников, Цзинсянь произнёс ещё более отстранённым тоном:

— Завтра в десять утра состоится общее собрание сотрудников. Вы трое выступите с публичным покаянием. Каждому отводится не менее десяти минут.

Топ-менеджеры обомлели. Наказание задевало их гордость, но куда страшнее было другое: от них требовали не просто формальной отписки, а публичного признания.

Это же фактически выносило на публику конфликт между братьями!

Кулуарно еще можно было бы сгладить углы, но если заявить об этом открыто — мосты будут сожжены. Похоже, босс решил действовать безжалостно.

Обнародовать всё, чтобы впредь ни у кого не возникло искушения играть в эти игры.

Присутствующие в кабинете тоже уловили этот подтекст.

Смотря на совершенно непроницаемое лицо Цзинсяня, Чи Юцин слегка нахмурился. Угрюмые люди не лишены чувств — просто они прячут их слишком глубоко. Поведение Дуань Минъюя, похоже, стало последней каплей.

Но неужели этот глупый мальчишка действительно настолько туп, чтобы провоцировать брата подобным образом?

Юцин раскрыл ноутбук. Кое-что требовалось проверить лично.

Тем временем Цзинсянь закончил с виновными. Помимо публичного покаяния и лишения премий, на их плечи возложили невероятно сложный проект. Не уложатся до конца года — о праздниках могут забыть.

Фактически им дали шанс искупить вину кровью.

Троица поспешно соглашалась на все условия. Выступать в роли назидательных «жертвенных петухов» никому не хотелось, но сами виноваты — наказание ещё можно было назвать милосердным.

Промолчавший всю прошлую часть встречи Ци Хэмин прекрасно понимал логику друга. Виновные наказаны, но как закрывать брешь? Пусть погрызут этот твёрдый орешек: справившись, получают щедрый куш, ведь Цзинсянь никогда не скупился на награды.

Когда все вопросы были улажены, Ся Лань вывела топ-менеджеров из кабинета.

Ци Хэмин тоже задерживаться не стал. Попрощавшись и перенеся оставшиеся рабочие вопросы на завтра, он направился к выходу. Притворив за собой дверь, он бросил короткий взгляд на оставшихся внутри двоих, и в углах его глаз мелькнула сдержанная улыбка.

Каким бы мрачным ни был Дуань Цзинсянь, рядом с мальчиком из семьи Чи у него всегда найдётся повод оттаять.

После сегодняшних встреч Хэмин окончательно убедился в этой истине.

На всякую силу найдётся своя управа!

Когда в кабинете воцарилась тишина, Дуань Цзинсянь уставился на монитор, где всё ещё

отображались данные о проблемной транзакции. Чем дольше он смотрел, тем сильнее леденело всё внутри.

Словно сердце припорошило инеем.

Это было похоже на песок, утекающий сквозь пальцы: чем сильнее пытаешься удержать, тем быстрее теряешь.

Но дело сделано, и прошлым не проживёшь. Мужчина понимал, что его тяжелый характер мало кому симпатичен, но за долгие годы он привык быть таким и вряд ли сумеет измениться. А если и попытается... останется ли он сам собой?

И, скорее всего, потеряет ещё больше.

Видимо, на роду ему написано оставаться одиноким, без родственной поддержки.

Лишь услышав приближающиеся шаги, он очнулся от тяжелых дум. Повернувшись к Чи Юцину, Цзинсянь ещё не успел стереть с лица остатки ледяного равнодушия, но, встретившись с его внимательным взглядом, вдруг с опозданием осознал одну вещь.

В порыве гнева он действовал жёстко и бескомпромиссно. И всё, что он только что произнёс, имело вполне очевидный подтекст... который Юцин не мог не уловить.

Когда их взгляды пересеклись, Цзинсянь медленно сжал пальцы.

Не посчитает ли юноша его слишком жестоким? Если он так легко отрекается от родного брата по крови, то что говорить о племяннике, с которым его не связывают никакие узы?

Не подумает ли он, что Цзинсянь слишком деспотичен и суров с подчинёнными? Ошибка имела место, но подобная расправа выглядит беспощадной и совершенно не бережёт чужие чувства.

Не сочтёт ли он его окончательно бессердечным человеком?

Не станет ли...

Пестрый рой тревожных мыслей закружился в голове, лишая былой уверенности.

Да, Чи Юцин говорил, что его не пугает жесткость, но ведь в личных отношениях Цзинсянь всегда старался сдерживать свой нрав. Вернее, рядом с этим мальчиком ему искренне хотелось проявлять мягкость и уступчивость.

А что теперь?

Увидев его истинную холодность и непреклонность без купюр, сможет ли этот дорогой его сердцу человек повторить свои прежние слова? Одно дело слышать слухи, и совсем другое — видеть всё своими глазами.

Мужчина бесшумно перевёл дыхание, чувствуя непреодолимое желание достать из ящика стола плюшевую панду.

Чи Юцин подошёл ближе к рабочему столу. Он отчётливо уловил сквозящую в движениях Цзинсяня лёгкую натянутость — почти неуловимую тревогу и растерянность.

Неужели он переживает?

И эти эмоции явно не имели никакого отношения к Дуань Минъюю.

О ком же он так беспокоится? И чего именно боится?

<http://bllate.org/book/20021/1991469>